

Л. В. Садовникова

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАМЧАТКИ В ТРУДАХ Г. И. ЛАНГСДОРФА

Публикация основана на частичном переводе двухтомного труда Российского исследователя, натуралиста и этнографа, члена-корреспондента (1803) и экстраординарного академика (1812) Петербургской академии наук Георга Генриха фон Лангсдорфа «Наблюдения во время путешествия вокруг света в 1803–1807 годах» о кругосветном плавании на корабле «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна. Исследование Камчатки в первой половине XIX века.

Ключевые слова: Камчатка, немецкие учёные, Лангсдорф, коренное население.

L. V. Sadovnikova

THE INDIGENOUS POPULATION OF KAMCHATKA IN THE WORKS OF G. I. LANGSDORF

The publication is based on a partial translation of the two-volume work of the Russian explorer, naturalist and ethnographer, corresponding member (1803) and extraordinary academician (1812) of the St. Petersburg Academy of Sciences Georg Heinrich von Langsdorff «Observations during a trip around the world in 1803–1807» about the circumnavigation of the the ship «Nadezhda» under the command of I. F. Krusenstern. Exploration of Kamchatka in the first half of the 19th century.

Keywords: Kamchatka, German scientists, Langsdorff, the indigenous population.

В XVIII–XIX вв. особенно тесно и плодотворно складывались русско-немецкие научные связи. Камчатка, как малоисследованный регион, обращала на себя пристальное внимание известных учёных, в том числе и иностранных специалистов, прежде всего точных и естественных наук, что способствовало успешному развитию их в России.

Имена Георга Вильгельма Стеллера, Карла фон Дитмара, Фридриха Генриха фон Киттлица и других немецких учёных хорошо известны не только на Камчатке, но и во всем мире. Но если большинство их были участниками знаменитых экспедиций и официально направлены для обширного изучения «земли Камчатки», то Георг Лангсдорф, никогда до этого не бывавший в России, стал членом экспедиции И. Ф. Крузенштерна по счастливой случайности и только благодаря завидному упорству и твёрдой воле.

Лангсдорф был поистине разносторонним, наблюдательным, довольно любопытным человеком. По пути плавания он тщательно изучал все доступные к тому времени материалы о Камчатке. Своими познаниями он с радостью делился с командой. К тому же он всегда был готов предложить свою дружбу и взаимопомощь любому члену экипажа. И хотя разные культурные традиции, языковые барьеры и личные амбиции часто становились источником недопонимания и конфликтов, тем не менее, именно

эти отношения делали жизнь на борту «Надежды» насыщенной и интересной [1, с. 307].

Весной 1807 г., находясь вблизи Тигильской крепости, расположенной на территории современной Камчатки, он провёл ценные этнографические наблюдения за коряками – коренным народом этих суровых, но прекрасных земель.

«Тигиль, или Тигильская крепость, расположен на правом берегу одноимённой реки, доступной для судоходства маломерных судов. Якорная стоянка для судов, прибывающих сюда из Охотска, находится в 15 вёрстах вверх по реке от её устья и в 30 вёрстах от самой крепости. Тигиль – очень интересное место в истории Камчатки, потому что именно сюда прибыли первые русские и отсюда они продолжили свои дальнейшие завоевания. Помимо многочисленных государственных построек, здесь находятся около 30 жилых домов и церковь. Хотя это место бедно рыбой, а река так быстра, что весьма затруднительно строить запруды или ловить рыбу сетями, однако Провидение позаботилось о нем другим образом. В окрестностях водится большое количество оленей, и северные пограничные соседи – коряки, круглый год кочуют по стране со своими бесчисленными стадами ручных оленей и охотно продают их русским и камчадалам за разную всячину, особенно за табак, водку, грибы, котлы, топоры и другие орудия, так что те вдоволь снабжаются мясом для пропитания и шкурами для одежды.

Я узнал, что эти кочевые народы живут не очень далеко отсюда к северу, и поэтому решил навестить их на следующий день. Командир Тигиля, унтер-офицер, снабдил меня собаками и переводчиком, с которыми я поспешил на встречу с отрядом в 10 человек.

Мы пересекли много долин и, пройдя около 30 вёрст, достигли р. Оманины, впадающей в Охотское море в 7 или 8 вёрстах от Тигиля. На этой реке расположена одноимённая деревня, которая почти полностью заброшена и состоит только из жилых домов. Неподаляку от этой реки я нашёл первые следы коряков, вернее их оленей. Казалось, будто здесь оставила свой лагерь целая армия. Многие тысячи оленей вытоптали снег и проложили тропы по всем направлениям, которые были очень грубыми и неровными для передвижения на собачьих нартах. Я следовал за своим проводником по долинам, которые недавно ещё были так оживлённы, но теперь они были почти безлюдны и пустынные, и к вечеру я имел удовольствие найти коряков с их стадами оленей.

Я остановился в самой большой избе знатнейшего коряка, который называл себя Пролоком. Он был владельцем не менее 2000 оленей, которые паслись около его избы, и из которых он тут же выделил двух мне, моему спутнику и моей собаке. Мозг из костей, ещё тёплый от крови, был подан мне в качестве деликатеса в знак моего дружеского приёма, а языки, как наиболее ценная часть, были немедленно сварены.

Коряки отличаются от камчадалов языком, но не чертами лица и внутренним воспитанием, а одежда у них почти одинаковая, за исключением того, что платье имеет капюшон вместо воротника и нагрудник под подбородком вместо разреза. Мужчины и женщины не отличаются друг от друга одеждой, а только тем, что последние не стригут волосы, как первые. Бород у мужчин я не заметил; меня уверяли, что они их удаляют маленькими щипчиками; волосы их показались мне менее чёрными, чем у камчадалов. Коряки живут в хижинах, по форме напоминающих сахарные головы, каркас которых состоит из жердей, на которые натянуты сырые, не стриженные олени шкуры. Вокруг хижины расположено 60–70 саней, на которых во время кочёвок перевозится большое количество жердей, шкур и другого снаряжения. Такое большое количество саней необходимо ещё и потому, что олени очень слабы, и могут тянуть лишь небольшой груз. Дневной свет проникает в эти хижины снаружи через то же отверстие, которое служит дымоходом.

По всему периметру внутри имеются небольшие отделения из оленьих шкур, которые открыты со стороны, обращённой к очагу, но могут быть прикрыты выделанной шкурой как занавеской. Если её закрыть, этот небольшой отсек спасает от дневного света и защищает от дыма и холода. Глава семьи живёт в более просторной части, прямо напротив входа, а остальные родственники и подчинённые живут в боковых отсеках. Изба имеет вид копильни, и повсюду царит отвратительная грязь. Несколько крупных собак, в основном, обученных для охоты, и чей мех используется для отделки одежды, имеют свободный доступ к небольшим спальным помещениям.

Мох, который ещё не переварился в желудках оленей, смешивают с жиром, подвергают тепловой обработке и используют для кормления собак, но его употребляют в пищу и люди.

Удивительно встретить народ, чьё благополучие и богатство, образ жизни и существование, пища и одежда зависят исключительно от оленей, так же, как существование алеутов зависит от тюленя. Хижины и всякая одежда сделаны из шкуры оленя, желудки служат для хранения различных жидкостей, а мясо обеспечивает ежедневную пищу.

Благодаря обилию своих стад, они торгуют с соседними русскими и камчадалами и покупают у них железные и медные котлы и другую кухонную утварь, ножи, топоры, табачные листья, бренди, мухобойки, порох и свинец, тюленьи кожи, масло и прочую утварь для оленей.

Если в ходе торговли стакан очень мал, и бренди наливается в него до тех пор, пока он не перельётся через край, то в глазах этих кочевых народов это имеет большую ценность, чем если бы кто-то хотел наполнить большой пивной стакан только наполовину. Поэтому мой хозяин в Тигиле одолжил мне для сегодняшней экскурсии небольшой стакан, который он очень ценил, и который вмещал едва ли половину.

Вместо мисок они используют деревянные плоские тарелки, которыми пользуются и люди, и собаки. Большую часть года их питье состоит из льда и снега, которые они для этой цели растапливают в котле, постоянно висящем над огнём. Утверждение некоторых врачей о том, что частые случаи зоба во многих швейцарских кантонах и в Тироле вызваны потреблением снеговой воды, может быть поставлено под сомнение этим фактом, поскольку у коряков зоба не наблюдается, и даже в разгар лета они уходят

со своими оленями в горы, где им не избежать снега и ледяной воды.

Занятие мужчин состоит в охоте на соболей, диких оленей и архаров, а также в надзоре за многочисленными стадами оленей, которые, как и крупный рогатый скот, пасутся вблизи изб и ловятся ремнём для забоя оленей. Как только оленя поймали и убили ударом ножа в сердце, его передают женщинам, которые снимают с него шкуру, потрошат, уносят мясо для еды на кухню, а затем подготавливают шкуру для шитья одежды. Точно также исключительной обязанностью женщин является разборка яранги, перевозка её на транспортных нартах и установка на новом месте.

По мере того, как мох в окрестностях избы выщипывается оленями, что, в зависимости от числа стад, занимает то меньше, то больше времени, стадо перебирается на несколько вёрст дальше, и таким образом ежегодно проходит с севера, а именно от Ишиги, на юг, в середину Камчатки, особенно в район Ичи, а по пути коряки снабжают оленьим мясом почти всю западную часть полуострова.

Коряки живут в постоянном конфликте с чукчами, своими северными пограничными соседями, и поэтому предпочитают заключать союз с русскими, с помощью которых они удовлетворяют свои потребности, не подвергаясь преследованиям.

Их оружие в основном состоит из луков и стрел, но известно также использование пороха и огнестрельного оружия, преимущество которого они оценивают выше, чем охоту со стрелами.

Кроме бубна с железными кольцами, по которому ударяют чучелом собачьей лапы, я не заметил никаких других музыкальных инструментов. Их песня похожа на песню жителей Алеутских островов и Западной Америки, а их танец также состоит из простых физических движений, при которых они не покидают занятую позицию» [3, с. 74–77].

«К слову сказать, камчадалских женщин иногда приглашали развлечь нас национальным танцем. Танцоры подражают движениям и манерам нерп и медведей, от самых нежных движений головы и плеч до самых резких движений бёдер и колен; они сами поют музыку, выразительно топают ногами по земле в такт и стонут с часто повторяющимся коротким "Ха!" или "Ах!"

Главный национальный гимн называется "Бахия" – слово, постоянное повторение которого составляет текст песни и не несёт в себе

какого-либо особого смысла. Мелодия этой песни не лишена экспрессии. Я делюсь нотами, поскольку я в долгу перед любезностью гофрата Тилезиуса, который записал их во время своего предыдущего пребывания в гавани Св. Петра и Павла» [там же, с. 66].

Лангсдорф, будучи щепетильным человеком, стремился зафиксировать как можно больше деталей. Так, знакомясь с кочевым образом жизни коряков, их жилищами, способами охоты и рыболовства, он составил представление о жизни этого коренного народа вообще. Наблюдая за укладом жизни корякских общин, он вникал во взаимоотношения между людьми, межличностные отношения между мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми; какую роль выполняют старейшины и шаманы; во что верят коряки, какие обряды совершают, каким духам поклоняются, их особое отношение к природе, которая играла важную роль в их жизни. Настоящим открытием для самого Лангсдорфа стало то, что этот *«удивительный народ в современном мире ещё верит, что душа есть у каждой вещи и окружающего предмета»* [2, с. 217].

Описывая предметы быта, одежду, украшения, транспортные средства (нарты, лодки), орудия труда, он отразил уровень развития корякского общества.

Таким образом, наблюдения Лангсдорфа, сделанные в окрестностях Тигильской крепости, позволяют заглянуть в прошлое и узнать о коряках, их культуре и традициях такими, какими они были до значительных изменений, вызванных контактами с русскими и другими народами. Эти записи являются важным источником для этнографов, историков и всех, кто интересуется историей и культурой коренных народов Камчатки. Они помогают нам понять многообразие человеческих культур и сохранить память о тех, кто жил на этой земле задолго до нас.

По мнению Лангсдорфа, коряки в отличие от ительменов, которых русские называли просто камчадалами, сохранили свою самобытность благодаря кочевому образу жизни. Он считал, что *«коряки – удивительная нация, чьё благополучие и богатство, образ жизни и заработок, пропитание и одежда зависят только лишь от северных оленей. Традиции и повседневные обычаи коряков подчинены уходу за стадами оленей, а также охоте на дикого пушиного зверя»* [там же].

Лангсдорф отмечал также, что, несмотря на уважительное отношение и соблюдение своей

собственной культуры, коряки всё же старались держаться ближе к русским, так как те были для них гарантией безопасности от кочевых чукчей, с которыми они постоянно конфликтовали.

Образ жизни оседлых ительменов интересовал Лангсдорфа ничуть не меньше. *«Камчадалы бедны, но могут служить образцом честности»*. Он благосклонно отзывался о них, подмечая их *«доброту, верность, гостеприимство, постоянство, повиновение и преданность своим начальникам»*. Лангсдорф подметил, что *«сильно сблизившиеся с русскими камчадалы начали забывать многие свои коренные традиции и развили новые смешанные устои. Браки между русскими и камчадалками перестали быть редкостью, да и в чисто камчадалских поселениях многие традиционные предметы обихода или орудия труда в большинстве своём были заимствованы у русских. Да и живут они не в полуземлянках зимой и балаганах летом, а в таких же домах, как и русские. Похоже, что они, как и сами русские, привыкли к одежде и продуктам питания, привозимым из Европы. Почти все камчадалы говорят на русском языке»*.

Русские, в свою очередь, нуждались в помощи коренного населения, которые были для них не только источником ясачных податей, но и единственными проводниками и переводчиками на полуострове» [4].

Проезжая мимо поселений, где проживали в основном русские и казаки, Лангсдорф с большим вниманием наблюдал их образ жизни.

«В Верхне-Камчатском проживают около 60 солдат и 30 казаков, большинство из которых занимаются сельским хозяйством. Здесь содержится более сотни голов крупного рогатого скота и несколько лошадей, большинство из которых принадлежит казне, и никто не получает от них никакой выгоды. Из-за халатности местные жители часто голодают весной, так как не заготавливают съестные припасы на зиму, а рыба появляется здесь очень поздно.

Соседний район довольно густонаселён. На первых тринадцати вёрстах я увидел три деревни, жители которых живут преимущественно за счёт скотоводства и земледелия. Самым значительным из этих жилых районов является деревня Мильково. Здесь проживают русские крестьяне, предки которых, в количестве семи человек, были присланы сюда из России около 70 лет назад, чтобы развивать здесь сельское хозяйство. Их число возросло до 80 душ, и местный начальник заверил меня, что вот уже девять лет подряд они собирают хороший урожай.

Все крестьяне этой деревни живут за счёт богатого урожая со своих полей; у людей в изобилии хлеб из домашнего зерна, картофель, белокочанная капуста, репа, редис, огурцы, рыба, мясо и молоко. В деревне 85 коров и 22 лошади, которых можно использовать круглый год на равнинной местности. Так как же быть с мнением, что на Камчатке невозможно заниматься сельским хозяйством?

Вечером 30-го числа я добрался до деревни Ключи, которая, как и Мильково, населена в основном русскими крестьянами и некоторым количеством казаков, и является довольно зажиточной. Сельское хозяйство, животноводство, охота и рыболовство обеспечивают жителей обилием продовольствия, но климат и почва здесь не такие хорошие, как в соседней Верхней Камчатке. Ключи лежат почти у подножия очень высокой, огнедышащей вершины, которая постоянно то дымится, то ярко горит, и видна ночью на расстоянии 300 вёрст и даже дальше.

В селе более двадцати домов, церковь и единственная на полуострове школа, которая принимает только сыновей солдат, но не камчадалов, и обучает их чтению, письму, арифметике и музыке. Вся организация этой школы требует улучшения, как и расположение комнат, которые слишком тесны для 70 живущих здесь мальчиков. Комнаты маленькие и тёмные. Вместо стёкол на окнах – рыба кожа. Кухни нет, поэтому приготовление пищи происходит в классах. Основную пищу, состоящую из рыбы, ученики вынуждены добывать сами и часто страдают от нехватки еды и, как следствие, цинги. Учитель – старый отставной унтер-офицер, который по способностям и с наилучшими намерениями руководит вверенным ему учебным заведением.

В местной больнице, которая также находится в плачевном состоянии, я обнаружил в основном школьников, которые из-за отсутствия чистоты, свежего воздуха и хорошего питания страдали от цинготных язв на ногах.

Город расположен на мысу в устье р. Радуги, впадающей здесь в р. Камчатку. В нем две церкви, холодная и тёплая, и более ста домов, в которых проживают военные, казённые чины, духовенство, а именно протопоп и два младших священника, батальонный врач, купцы, горожане, солдаты и казаки» [3, с. 68–70].

Этнографические описания коренных народов Камчатки так или иначе встречаются практически у всех учёных, побывавших на Камчатке. Так, Степан Петрович Крашенинников,

исследователь и путешественник XVIII в., автор знаменитой книги «Описание земли Камчатки» (1755), не рассматривал коренных жителей в радужном свете; честно описывая их недостатки, он всегда отмечал их достоинства: трудолюбие, гостеприимство, стойкость и умение выживать в суровых климатических условиях. Он высоко ценил их глубокую связь с природой и уважительное отношение к окружающему миру.

В работах Георга Стеллера во время его пребывания на полуострове в составе Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга в 1740–1744 гг. можно найти суждения о «дикости» и «неразвитости» коренных народов, хотя в целом он проявлял к ним уважение и сочувствие.

Иван Федорович Крузенштерн оставил ценные записи, сделанные им во время стоянки в Петропавловске-Камчатском в 1804 г. В них он, хотя и критиковал некоторые обычаи коренных народов, считая их «дикими» или «нецивилизованными», все же восхищался их умению строить балаганы – традиционные жилища, их

искусству плетения из травы и изготовления лодок-байдарок, мастерству изготовления оружия и орудий труда.

Фридрих Киттлиц, немецкий учёный и путешественник, в своих наблюдениях о коренных народах Камчатки, сделанных во время своего путешествия в 1820-х гг., одним из первых попытался систематизировать различные этнические группы Камчатки – ительменов, коряков и эвенов, известных как ламуты.

Ценнейшие этнографические описания коренных народов Камчатки, сделанные Карлом Дитмаром в середине XIX в., несмотря на некоторую предвзятость, содержат искренний интерес и уважение к уникальной культуре этих народов.

В трудах Г. И. Лангсдорфа нет ни единого слова предвзятости в адрес коренных жителей. Он до конца своих дней сохранил самые тёплые воспоминания о полуострове, о чем писал в письмах своим друзьям, и не утратил благожелательности к коренному населению.

1. *Langsdorff G. H. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Band 1.* URL: <https://searchworks.stanford.edu/view/12385591> (дата обращения: 28.03.2025).
2. Там же. Band 2. URL: <https://digital.bbm.usp.br/handle/bbm/4326> (дата обращения: 28.03.2025).
3. *Langsdorff G. H. Kamtschatka (Auszüge aus den Werken: Aus Georg Heinrich Freiherr von Langsdorff. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Frankfurt am Main, 1812. Bd. 2. S. 217–284) // Forschungsreisen auf Kamtschatka / herausgegeben: M.-Th. Federhofer, D. Ordubadi. Germany : Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2011. S. 37–81.*
4. *Комиссаров Б. Н., Шафрановская Т. К. Неизвестная рукопись академика Г. И. Лангсдорфа о Камчатке // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. XVII : Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 3. С. 86–118.*